

УДК 811.161.1+УДК 811.162.3

ТЕМА ОДИНОЧЕСТВА В «СТИХОТВОРЕНИЯХ В ПРОЗЕ» И.С. ТУРГЕНЕВА¹

© 2012 г.

А.А. Скоропадская

Петрозаводский госуниверситет

san19770@mail.ru

Поступила в редакцию 09.12.2011

Статья является продолжением исследования влияния творчества Горация на темы и мотивы, легшие в основу «Стихотворений в прозе» И. Тургенева. Тема одиночества, переплетаясь с темами смерти, дружбы, искусства, становится одной из центральных тем и у римского, и у русского поэтов.

Ключевые слова: Тургенев, Гораций, античная литература, послание, тема одиночества, тема смерти, тема дружбы.

Болезнь одиночества есть одна из основных проблем философии человеческого существования как философии человеческой судьбы.

Н. Бердяев.

Уже около полутора веков Тургенева читают, обсуждают, изучают. Казалось бы, не осталось неисследованных сторон его творчества. Однако литературное наследие классической литературы – неиссякаемый источник всё новых наблюдений, исследований, разработок. Определение интертекстуальности того или иного автора помогает обнаружить не только явные, но и скрытые, завуалированные начала его творчества. Тургенев в этом плане предлагает необозримое многообразие источников, реминисценций, аллюзий, так как его неоспоримый писательский талант подкреплялся широким кругозором, глубинными познаниями в мировой культуре и фундаментальным образованием. Так, например, Л. Лотман отмечает следующее: «Необыкновенная «удачливость» Тургенева как создателя сюжетов, типов, как «открывателя» новых проблем и вопросов и провозвестника новых форм в искусстве слова объясняется не только его огромным художественным даром, не только его исключительной чуткостью к современной жизни и ее потребностям, но присущим ему неисчерпаемым, можно сказать, героическим интересом к чужой личности, к творчеству всех участников литературного процесса, к мировой жизни искусства. Никто не следил за развитием русской и всех европейских литератур так систематично и внимательно, как Тургенев, никто не читал так много, ни-

кто не вступал в такие широкие личные контакты с писателями и не был способен так доброжелательно и увлеченно вникать в особенности интересов, художественных исканий товарища по перу, никто не ощущал так живо и органично коллективности литературного процесса, как он» [1, с. 159].

«Стихотворения в прозе» стали своего рода итоговым произведением автора, собрав в себе все его мировоззренческие, философские, творческие искания и убеждения, поэтому их изучение поможет наиболее точно воссоздать творческий метод писателя. «К реминисценциям, встречающимся у Тургенева в «Стихотворениях в прозе», относятся прямые, иногда слегка измененные цитаты, которые автор использует как названия стихотворений, тем самым сразу определяя тему и настроение данной миниатюры. Другой вид реминисценций, используемый Тургеневым, представляют собой литературные аллюзии, ассоциации, скрытые и измененные цитаты и т. п. Это наиболее трудный для изучения вид «чужого» слова» [2, с. 125].

Как ни странно, одной из наименее разработанных сторон творчества Тургенева является связь русского писателя с античностью. Странно это в первую очередь потому, что античность (наряду с христианством) является одним из главных источников становления и формирования русской литературы. В последнее время связь Тургенева с классическим наследием привлекает к себе все больше и больше исследователей, но их изыскания можно признать только началом выстраивания «целостной картины тургеневских рецептов» [3].

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Классицизм и неоклассицизм в русской литературе XVIII–XIX в.в.» (проект № 10-04-00084а).

Интерес ко многим античным (греческим и римским) авторам у писателя обострялся в определенные этапы или сохранялся в течение всей жизни. Так, одно время Тургенев увлекался чтением римских историков: Саллюстием, Светонием, Титом Ливием. Из письма А.И. Герцену (1856 г.): «Зато я читаю пропасть. Проглотил Суетония, Саллюстия (который мне крайне не понравился), Тацита и частью Тита Ливия. Ты спросишь – что за латиномания на меня напала? Не знаю; может быть, она навеяна современностью». В другом письме, адресованном И. П. Борисову и А.А. Фету, от 2 января 1861 г. Тургенев рекомендует: «не могу не сказать Вам, о Фетие, что хандрит только человек, который эту штуку на себя напускает: переведите Проперция, лучше – или Катулла. Как это возможно?» [4, с. 278] Кстати, Фет последовал совету.

К последним относится Гораций, влияние которого наиболее заметно в зрелом творчестве писателя. Широко известен тот факт, что Тургенев активно помогал А. Фету в издании его переводов од Горация. Причем роль Тургенева в этом издании была велика: он выступал не только в роли литературного агента, но зачастую сам лично «правил» перевод, если находил грамматические и стилистические неточности. Вот выдержка из письма Тургенева П.В. Анненкову от 2 ноября 1853 г.: «...разбирал присланную мне Фетом первую книгу «Од» Горация, им переведенных. Много славянских слов – много неясных и натянутых стихов, – но вообще – перевод превосходный и останется в литературе. Он переводит рифмами, что, по-моему, очень хорошо и верно – гармонию следует прежде всего передавать гармонически, – а подделки под древний размер кавычками наверху – на поверку выходит просто какая-то ломаная проза <...> Зато в иных стихах сам чёрт ногу переломит, Я сегодня же посылаю к Фету огромное письмо, где выставлены все самонадеянные ошибки. Надеюсь, что он послушается и исправит их» [4, с. 268–271].

Такая кропотливая работа с текстами великого римского поэта, которая длилась не один год («Оды Квинта Горация Флакка в четырех книгах в переводе с латинского А. Фета» вышли отдельным изданием в начале 1856 г.), не могла не сказаться на творчестве самого Тургенева: горацианские мотивы так или иначе проникают в его произведения. Наиболее ярко это проявилось в романе «Отцы и дети» (1862 г.), что доказывает исследование Э. М. Жиляковой, рассмотревшее влияние римского поэта на образную структуру русского романа. В частности,

исследовательница отмечает: «Введение в контекст романа имени Горация разрушало обыденное понимание патриархального как устаревшего, отжившего и возводило его в высокий поэтический план. Горацианская тема актуализировала современный смысл истории и культуры, акцентировала тургеневскую мысль о неразрывности связей традиций и процесса духовного развития человечества» [5, с. 154]. И далее: «Ориентация на Горация идет по целому ряду вопросов. Она носит порой кажущийся мимолетный, случайный характер, но факты, собранные вместе, образуют стройную систему» [5, с. 158].

В нашей статье мы рассмотрим, каким образом на раскрытие темы одиночества в цикле русского писателя повлияло творчество римского поэта. Следует отметить, что эта тема не обособлена, а раскрывается посредством других тем: темы смерти (в частности, анализу этой темы была посвящена наша статья), темы взаимоотношения человека и природы, темы искусства.

Тема одиночества наиболее сильно начала волновать философов и художников на рубеже 19–20 веков (философия экзистенциализма, психоанализа, постклассическая философия и философия постмодернизма), но обращение к ней мы можем наблюдать и в философии античности, которая во многом заложила основы понимания этой темы. Феномены одиночества, смерти анализируются в трудах мыслителей античности – Марка Аврелия, Аристотеля, Гераклита, Тита Лукреция Кара, Платона, Плотина, Аннея Луция Сенеки, Цицерона, Эпиктета, Эпикура и др. В философии Древней Греции одиночество рассматривается здесь как удел узкого круга людей: мудрецов, отшельников, философов. «Интеллектуализм, эстетизм, сплав свободы и фатализма в сознании и деяниях античного человека, ставшие позднее чертами европейского *Homo Solus*, произрастали из онтологического единения эллина с чувственно-материальным природно-социальным космосом, из *космо-полис-логосности* античного человека периода классики» [6, с. 15].

В трудах древнегреческих ученых одиночество не рассматривается как основная проблема, но в то же время оно учитывается при определении основных ценностей человеческого бытия (в частности, у Платона и Аристотеля тема одиночества возникает при анализе ценности дружбы): «древние греки не интересовались одиночеством, но, скорее, в том, что они сосредоточили внимание на том, как его избежать, и находили это избавление прежде всего в насла-

ждении благами дружбы. Именно в этом смысле они считали человека социальным или политическим животным» [7, с. 64–65]. В последующие периоды античной философии, и особенно в ее римский период, человек рассматривается всё в большей оторванности от социума, от полиса, он всё больше индивидуализируется. На этом фоне «эпикурейцы <...> утверждали зависимость человека лишь от нескольких особенно близких людей, тем самым подтверждая аристотелевское суждение о том, что сущность дружбы заключается в непосредственной общности» [7, с. 66].

Гораций и Тургенев писали рассматриваемые нами сборники на закате своей жизни. В нашей статье «...» мы проследили взаимосвязь жанра послания, используемого Горацием, и многих стихотворений в прозе Тургенева, обращенных к тому или иному лицу, и, тем самым, в своих истоках восходящих к античному жанру. Послание подразумевает под собой адресата. Послание, затрагивающее глубокие душевные личные переживания, в качестве адресата избирает близкого человека, того, кто может тебя понять, друга, *другого*. Тем самым, согласно концепции античной философии, одиночество преодолевается дружбой, душевной общностью с другим живым существом. Так, Николай Бердяев, уделивший большое внимание теме одиночества, отмечает: «Истинное преодоление одиночества и достижение общения есть переход от "я" к "ты" в любви, в дружбе...» [8, с. 280].

Дружбу, друзей Гораций часто упоминает в посланиях.

Низкой бывает цена на друзей, коль нуждается добрый (12, 24) [14].

В миниатюрах Тургенева тема одиночества достаточно часто раскрывается посредством мотива «другого». Так, в стихотворении «Голуби», автор описывает, как перед надвигающейся бурей один голубь спасает другого:

*Но под навесом крыши, на самой краюшке
слухового окна, рядышком сидят два белых голубя – и тот, кто слетал за товарищем, и тот, кого он привел и, может быть, спас.*

Нахохлились оба – и чувствует каждый своим крылом крыло соседа...

*Хорошо им! И мне хорошо, глядя на них...
Хоть я и один... один, как всегда.*

Единение двух птиц, забота их друг о друге только оттеняют одиночество человека. Причем Тургенев тонко показывает психологическое состояние лирического «я»: ему хорошо, глядя на голубей, но в то же время осознание собственного одиночества вызывает в нем грусть. Светлую грусть.

Сопоставление человека и птицы находим и в стихотворении «Без гнезда»:

*Куда мне деться? Что предпринять? Я как
одинокая птица без гнезда... Нахохлившись,
сидит она на голой, сухой ветке. Оставаться
тошно... а куда полететь? <...>*

*Куда же деться мне? И не пора ли и мне –
упасть в море?*

Окружающий мир равнодушен к одинокой душе, пустынные природные пейзажи (пустыня, небо, море) не дают ей приюта – птица обречена в своем одиночестве на смерть. Тема одиночества сопряжена у Тургенева с темой смерти и темой ничтожности человеческой жизни. Природа остается равнодушной человеку, но в то же время она открыта ему. Природные образы наиболее точно отражают искания и переживания человека, Тургенев ощущает в них «таинственную логику бытия» [9, с. 289]. Хотелось бы привести пример, процитировав окончание одного из последних писем Тургенева, датированного 30 июня 1883 г.: «Мне грустно сегодня. Я обнимаю вас. Я собираюсь заснуть. Я теперь лишь соломинка на глади озера, на которое спускается вечернее солнце» [Цит. по 10, с. 25]. Очень яркий образ, проникнутый трагизмом и лиризмом одновременно.

В миниатюре «Собака» происходит единение человека и животного. Два одиноких существа объединяются перед лицом неминуемой смерти:

*Смерть налетит, махнет на него своим
холодным широким крылом...*

И конец!

*Кто потом разберет, какой именно в
каждом из нас горел огонек?*

*Нет! это не животное и не человек
меняются взглядами...*

*Это две пары одинаковых глаз устремлены
друг на друга.*

*И в каждой из этих пар, в животном и в
человеке – одна и та же жизнь жметя пугливо к
другой.*

Чувство одиночества связано с чувством страха перед смертью. Но это одиночество преодолимо желанием жить, которое может объединить души (пусть это даже животное и человек). «Смерть, к которой обращается говорящий, воспринимается как ненасытное чудовище, вечная равнодушная стихия, слепая природная сила, действия которой абсолютно иррациональны. Однако в подтексте явно читается мысль о привилегированном положении человека по сравнению с другими живыми существами: человек наделен памятью, а память сохраняет образы унесенных смертью (непреложным законом природы) людей» [11, с. 97].

Наиболее щемяще тема одиночества проявляется, пожалуй, в самом известном стихотворении в прозе Тургенева – «Как хороши, как свежи были розы»... Музыкальный мотив возбуждает в памяти лирического героя воспоминания о светлом прошлом, о первой любви, о доме, наполненном смехом, музыкой, голосами... И на этом фоне контраста картина настоящего: зима, вечер, одинокая свеча, тишина:

Свеча меркнет и гаснет... Кто это кашляет там так хрипло и глухо? Свернувшись в калачик, жмется и вздрагивает у ног моих старый пес, мой единственный товарищ... Мне холодно... Я зябну... И все они умерли... умерли...

Как хороши, как свежи были розы...

Для поэта одиночество предопределено. «Одна из самых ярких черт одиночества — чувство полной погруженности в самого себя. Оно ощущается не локально, а захватывает целостно. И в этом чувстве есть один познавательный момент — одиночество представляет собой знак собственной «самости», сообщающей свое место в контексте обширной, но нарушенной сети отношений и связей внутреннего мира личности» [12, с. 70].

Но основная точка соприкосновения двух поэтов это понимание одиночества как уединения, изолированности...

У Горация как представителя философии эпикуреизма одиночество – это прежде всего уединение. Уединение от суетной городской жизни на лоне природы, в деревне. Уединенность творца – одна из основных составляющих его творчества, это не есть одиночество в онтологическом его понимании: «Утверждая себя, например, в различных видах творчества, человек реализует свою действительность по отношению к другим людям, для других людей и одновременно с этим пересоздает свою собственную действительность. Он может при этом создавать новые отношения и разрушать старые, но, если сохраняется его симантропическое единство с Другим в том или ином виде его действительности и сохраняется его поле возможностей, то человек не будет одинок» [13, с. 20].

Воспевание деревенской жизни у Горация мы находим в Посланиях 10, 11, 13.

Обращаясь к некоему Буллатию, который, видимо, побывал в длительном путешествии и повидал много замечательных мест, Гораций пишет:

Лебед ты знаешь ли что? Местечко, пу- стынное Габий

Или Фиден; но я там, тем не менее, жил бы охотно,

Всех позабывши своих и ими равно позабы- тый, (11, 7–9) [14]

Здесь тема одиночества переплетается с темой счастья: не нужно ехать за тридевять земель за своей счастливой судьбой. Счастье оно здесь, рядом, его нужно только разглядеть:

Только ведь небо меняет, не душу – кто за море едет.

Праздная нас суета всех томит: на судах, на четверках

Мчимся за счастьем мы, – между тем оно здесь под рукою:

Даже в Улубрах – лишь дух бы спокойный тебя не покинул (27–30) [14].

Именно в связи с деревенской темой Гораций развивает одну из главных тем своей философии: тему умеренности во всем, «золотой середины». Наиболее ярко это показано в послании 13, где Гораций называет себя «старостой леса», сравнивая свой деревенский образ жизни с приятным адресату послания городским. И одним из преимуществ деревни поэт считает ее уединенность, в том плане, что здесь нет городского шума, лишних людей, чьи взоры полны ненависти и пороков:

Нет и харчевни вблизи, что тебе бы вино доставляла,

Нет и блудницы, чтоб мог под звук ее флей- ты скакать ты,

Землю топча тяжело; да при всем этом ты еще пахнешь

Поле, что очень давно не видало кирки... (13, 24–27) [14]

Или:

Здесь же не станет никто урезать мою ра- дость завистным

Глазом иль в злобе слепой отравлять, уязв- ляя речами (37–38) [14].

Умеренность во всем:

Что я, мой друг, ощущаю, о чем, полагаешь, молюсь я?

Будет пускай у меня, что уж есть, даже меньше, и пусть бы

Прожил я век остальной, как хочу, коль про- длят только боги;

Был бы лишь добрый запас мне и книг и про- визии на год,

Чтоб суеты я не знал, неуверенный в часе ближайшем...

Впрочем, довольно просить, что Юпитер дарит и уносит:

Жизнь лишь и средства пусть даст – сам душе я покой уготовлю! (18, 106–112) [14].

Тургенев делает основной темой деревни в миниатюре, с которой начинается весь цикл «Стихотворений в прозе». Исследователи еди-

ногласно отмечают близость «Деревни» к одноименному стихотворению, написанному Тургеневым за 30 лет до этого и включенного в сборник лирических стихотворений, напечатанных в «Современнике» 1847 г. Автор намеренно идеализирует русскую деревню: «С односторонностью этого изображения связано, по-видимому, и намерение посвятить деревне не одно, а два стихотворения в прозе (в перечне стихотворений белой рукописи стояло – «Деревня 1.2»). Тургенев прекрасно понимал, что за три десятилетия, протекших между обоими произведениями, русская деревня из крепостной стала «вольной», но столь же далекой от идиллии, какую она была и в период создания «Записок охотника». Между тем в 1878 г. Тургенев искусственно подбирал светлые краски, чтобы подчеркнуть именно идиллический колорит живописуемой им картины» [4, с. 223]. Солнечный летний пейзаж, светлые счастливые люди, но лирический герой стихотворения выступает в роли стороннего наблюдателя. Описывая разворачивающиеся перед ним картины деревенской жизни, он все-таки не становится ее участником, потому что он – проезжий, он – городской:

О, довольство, покой, избыток русской вольной деревни! О, тишь и благодать!

И думается мне: к чему нам тут и крест на куполе Святой Софии в Царь-Граде и всё, чего так добиваемся мы, городские люди?

Близка гораццианской философии миниатюра «Житейское правило»:

Хочешь быть спокойным? Знайся с людьми, но живи один, не предпринимай ничего и не жалеешь ни о чем. Хочешь быть счастливым? Выучись сперва страдать.

Здесь можно обнаружить гораццианский подход к пониманию счастья как умеренности во всем: *Всех наслаждений беги; цена наслаждения – страданье* (2, 55) и *Тот, кого счастье всегда баловало чрезмерно, невзгодой Будет сильней потрясен* (10, 30–31).

Праздная нас суета всех томит: на судах, на четверках

Мчимся за счастьем мы, – между тем оно здесь под рукою:

Даже в Улубрах – лишь дух бы спокойный тебя не покинул (10, 28–30) [14].

Но Тургенев выстраивает более пессимистическую картину, делая обязательным элементом счастья одиночество.

Итак, мы можем сделать следующие выводы: Гораций и Тургенев обращались в своих поздних произведениях к теме одиночества, которая прочно входит в их мировоззренческую

систему. Но если для Горация одиночество – это прежде всего единение и возможность побыть с самим собой, возможность свободного творчества, без отвлечения на людскую суету, то для Тургенева это – трагическая неизбежность, человек одинок, потому что смертен. Но у обоих авторов есть возможность преодоления одиночества, причем возможность, данная только человеку, – это творчество. Творчество позволяет раскрыть свое «Я» и обратиться к «Я» другого человека. Поэтому жанр поэтического письма, послания становится своеобразной попыткой подобного преодоления.

Список литературы

1. Лотман Л. М. И. С. Тургенев // История русской литературы: В 4 т. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1980—1983. Т. 3. Расцвет реализма: История русской литературы. 1982. С.120–159.
2. Трофимова Т. Б. Лермонтовский «подтекст» в цикле И. С. Тургенева «Стихи в прозе» // Русская литература. 2005. № 1. С. 124–132.
3. Успенская Н. Античные рецепции в творчестве И. С. Тургенева как одна из форм диалога культур // Материалы секционных заседаний XI Международных Лихачевских научных чтений. Секция 2. Диалоги культур. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.lihachev.ru/chten/7115/7228/7230.htm> (дата обращения 11.07.2011).
4. Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Письма в 18 т. М.: Наука, 1982. Т. 4. Письма 1859–1861. 419 с.
5. Жилиякова Э. М. Тургенев и Гораций // Вопросы индоевропейского словообразования и классической филологии: Сб. ст. памяти Г.М. Шатрова. Томск, 1997. С. 152–170.
6. Гагарин А. С. Экзистенциалы человеческого бытия. Одиночество. Смерть. Страх: Автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Екатеринбург, 2002. 47 с.
7. Миоскович Бен. Одиночество: междисциплинарный подход // Лабиринты одиночества. М., 1989. С. 107–112.
8. Бердяев Н. Я и мир объектов. Опыт философии одиночества и общения // Философия свободного духа. М.: Республика, 1994. 480 с.
9. Зеньковский В. В. Мирозерцание И. С. Тургенева // Зеньковский В. В. Русские мыслители и Европа. М., 1997. С. 287–300.
10. Генералова Н. П. И. С. Тургенев: Россия и Европа. Из истории русско-европейских литературных и общественных отношений. СПб.: РХГИ, 2003. 584 с.
11. Галанинская С. В. Ритмическая организация цикла И. С. Тургенева «Стихотворения в прозе» на уровне содержания текста. Сквозной сюжет цикла как признак жанра // Труды ежегодной богословской конференции ПСТГУ. XVIII Ежегодная богословская конференция ПСТГУ: Материалы. Т. II. М., 2008. С. 95–99.

12. Колесникова Л. А. Лабиринты одиночества // Перспективы метафизики. Классическая и неклассическая метафизика на рубеже веков: Матер. междунар. конф. Санкт-Петербург, 28–29 октября 1997 г. СПб., 1997. С. 69–74.

13. Нечаев А. В. Модальность одиночества // Вестник СамГУ. 2006. № 5/1 (45). С. 14–21.

14. Гораций. Сборник сочинений. СПб.: Биографический институт, 1993, 446 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://lib.ru/POEEAST/GORACIJ/nor1_5.txt

THE THEME OF LONELINESS IN «POEMS IN PROSE» BY IVAN TURGENEV

A.A. Skoropadskaya

This paper is a continuation of the investigation of the influence of Horace on creativity themes and motifs, which served as the basis of "Poems in Prose" by Ivan Turgenev. The theme of loneliness, intertwined with themes of death, friendship, art, becomes a central theme for the Roman and Russian poets.

Keywords: Turgenev, Horace, ancient literature, the message, the theme of loneliness, the theme of death, the theme of friendship.